

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

ПОСЛЕ РАЗВОДА В 42.
НОВАЯ ЖЕНА БЫВШЕГО
ПРИШЛА КО МНЕ
ЗА ПОМОЩЬЮ

Виолетта Весна

**После развода в 42. Новая
жена бывшего пришла
ко мне за помощью**

«Автор»

2026

Весна В.

После развода в 42. Новая жена бывшего пришла ко мне за помощью / В. Весна — «Автор», 2026

В 22:10 новая жена моего бывшего положила на мой стол договоры с моей подписью. Я их не подписывала. Алина пришла не просить прощения. Подделали и ее подпись, а Сергей уже готовит сделку: производственная линия уйдет связанной фирме, опасные модули — заказчику, а виноватыми останемся мы. Первая жена, которая когда-то предпочла удобное молчание. И новая, которая слишком долго ему верила. Чтобы доказать подмену, мне придется работать с Михаилом Рудневым — инженером, чью карьеру шесть лет назад разрушил мой неполный отчет. Он имеет все основания не доверять мне. Но именно рядом с ним я впервые понимаю: помощь не всегда означает контроль, а любовь не требует отказываться от собственного имени. У нас сорок один день, чтобы остановить поставку и сохранить доказательства. А мне придется решить, можно ли довериться мужчине, перед которым я однажды выбрала мужа.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виолетта Весна

После развода в 42. Новая жена бывшего пришла ко мне за помощью

ПРОЛОГ

В 22:10 я нашла в клиентском отчете лишние четыре миллиона. Через двадцать минут в моем кабинете сидела новая жена бывшего мужа и показывала бумаги с моей подписью.

Первую проблему я решила за семь минут. Лев дважды включил в прогноз один и тот же аванс: сначала в платежах по договору, затем в общей строке поставщика. Я исправила формулу, оставила ему комментарий и снова проверила итог. Кассовый разрыв вернулся к тем восьми миллионам, ради которых клиент и нанял мою фирму.

В деловом центре давно стихли голоса. Лев ушел в восемь, предварительно предложив заказать мне еду. Я отказалась. Рядом с клавиатурой лежала обертка от орехового батончика — справедливый итог моей самоуверенности.

Я сохранила отчет и уже потянулась к настольной лампе, когда зазвонил внутренний телефон.

— Надежда Андреевна, к вам посетитель, — сказал дежурный с первого этажа. — Алина Воронцова. Пропускать?

Я посмотрела на время в правом углу экрана. Звонок не мог быть рабочим. А личных дел с Алиной Воронцовой у меня не существовало.

— Она одна?

— Одна. Сумка и папка.

После развода я установила два правила, которые ни разу не нарушила. Сергей не входил в мой дом и офис. Его жена не становилась темой моих разговоров.

Правила хорошо работают, пока другая сторона знает о них и согласна оставаться снаружи.

— Передайте ей, что у меня пять минут. Запишите время входа.

Я закрыла клиентские файлы, убрала со стола распечатки и открыла пустую страницу рабочего журнала.

Она вошла без пальто, в светлом брючном костюме, слишком официальном для позднего визита. Волосы были собраны кое-как, на правом рукаве темнела небольшая полоса от дождя. После развода я видела ее только на фотографиях и в интервью о новом бренде «Модуль-Града».

— Спасибо, что приняли.

— Внизу вам сказали про пять минут?

— Да.

Она не села, пока я не указала на кресло. Папку положила себе на колени и удерживала обеими руками. Обручальное кольцо было на месте.

— Если вы пришли говорить о Сергее, — сказала я, — выберите адвоката или подругу. Я не подхожу ни на одну роль.

— Я пришла говорить о вас.

— Тогда выбор еще хуже.

Алина приняла это без обиды, по крайней мере внешней. Достала из папки прозрачный файл, но не протянула мне.

— Вы работали финансовым директором «МодульГрада» до тридцать первого августа, два года назад?

— Мою трудовую книжку можно не пересказывать. Что вам нужно?

Она вынула три тонких комплекта и положила их на свободный край стола.

— Вы подписывали эти акты?

Я не стала брать бумаги. Подтянула лампу, чтобы видеть текст, и прочитала шапку первого документа. Дополнительное соглашение к договору поставки. Номер договора мне ничего не говорил. Дата акта — двадцать второе августа, последние дни моей работы в компании. Внизу стояли должность, фамилия и подпись.

Моя подпись.

Я придвинула лист карандашом за край файла.

— Откуда это у вас?

— Из материалов к заседанию совета. Сергей прислал пакет сегодня вечером. Я должна подписать бюллетень до понедельника.

— Файл пришел на вашу корпоративную почту?

— С корпоративного адреса его помощника. Ссылка ведет в папку совета, к которой у меня есть доступ.

— Бумаги вы распечатали сами?

— Да. Дома.

— Исходные файлы открывали после печати?

— Один раз. Потом скопировала в личную папку.

Я подняла взгляд.

— В какую именно?

— На том же ноутбуке. Ничего не отправляла и не меняла.

Срок в пять минут закончился. Я повернула лист рабочей записи к себе и внесла время, с которого начала смотреть документы.

— Продолжайте.

Второй акт относился к той же закупке и был датирован двадцать шестым августа. Третий — двадцать девятым. На всех трех я числилась финансовым директором. Во втором документе подпись располагалась на миллиметр выше линии, в третьем — так же. Даже хвост последней буквы заканчивался на одной точке относительно печатного слова под ним.

Люди не подписывают три листа с точностью копировального аппарата. Я тем более. В конце августа того года я закрывала передачу дел, спала по четыре часа и расписалась бы неровно даже на собственной свободе.

— У вас есть оригиналы? — спросила Алина.

— Это мой вопрос к вам.

— В архиве должны быть.

— «Должны быть» не означает, что они там находятся. Договор вы видели?

— Только выписку в пакете.

— Кто загрузил файлы?

— В карточке стоит финансовая служба.

— Имя пользователя?

Она покачала головой.

— Я не посмотрела.

— Посмотрите. Самостоятельно, со своего доступа. Ничего не скачивайте сверх того, что уже получили, и никому не пересылайте до консультации с адвокатом.

Алина провела большим пальцем по краю папки.

— Значит, вы их не подписывали?

— Я не помню этот договор и не узнаю документы. Подписи выглядят одинаково, а это требует проверки. Больше я сейчас не утверждаю.

— На вашем месте я бы сказала короче.

— На моем месте вы никогда не были.

Она опустила глаза. Я не собиралась облегчать ей разговор.

— Есть еще один документ, — сказала она.

Из папки появился бюллетень для голосования совета директоров. Пять вопросов: кредитная линия, передача прав на обслуживание оборудования, продажа части производственного комплекса, аренда площадки, одобрение сделки с ООО «Северный модуль». В графах напротив каждого решения был выбран вариант «за».

Внизу стояла подпись Алины.

— Я его не подписывала, — сказала она. — И не голосовала.

Я прочитала даты. Заседание оформили вчерашним числом. Сделки должны были начать исполняться через сорок один день.

— Почему вы пришли ко мне, а не к своему юристу?

— Корпоративный юрист готовил пакет. Личный адвокат у меня появится утром.

— Почему ко мне?

— Потому что Сергей использовал подписи двух жен. Бывшей и нынешней. Я хочу понять зачем.

— Это вопрос к нему.

— Я задала. Он сказал, что ваш акт нашли в старом архиве, а мой бюллетень составлен заранее для удобства. Потом потребовал вернуть распечатки и перестать изображать директора.

В этой фразе я узнала Сергея точнее, чем на свежей фотографии. Он всегда называл удобством действие, право на которое еще не получил.

— Что произойдет через сорок один день? — спросила я.

— Первую партию модулей отправят заказчику. В ту же ночь производственную линию должны передать другой компании. Мне прислали документы как члену совета, но Сергей уверен, что я подпишу все, не читая. Обычно он прав.

Последние слова дались ей без попытки оправдаться.

— Чего вы хотите от меня?

— Помогите понять, зачем ему нужны обе подписи. И что останется от компании после этой передачи.

— Вы просите меня провести проверку фирмы, которой управляет мой бывший муж и где вы владеете десятью процентами.

— Я прошу сначала проверить, не готовят ли нас обоих на одну и ту же роль.

Три акта связывали мое имя с договором, которого я не знала. Этого было достаточно, чтобы перестать считать визит Алины личной проблемой.

— Бумаги останутся у вас, — сказала я. — Я не буду их фотографировать целиком и тем более хранить. Сниму только обложки файлов, чтобы зафиксировать, что вы показали, и запишу источник с ваших слов. Утром мы встретимся с моим адвокатом. У вас должен быть отдельный.

— Почему отдельный?

— Потому что наши интересы могут разойтись. И потому что я не доверяю вам достаточно, чтобы делать вид, будто этого не случится.

Она медленно кивнула.

Я сфотографировала прозрачные обложки, не раскрывая документы, записала названия файлов, время визита и слова Алины о корпоративном доступе. Затем отправила Тамаре Бело-

вой короткое сообщение: «Нужна консультация по возможной подделке подписи. Источник документов известен. Второй заявитель будет со своим адвокатом».

Ответ пришел через минуту.

«В понедельник, девять тридцать. Ничего не принимай на хранение».

— В понедельник, в девять тридцать, — сказала я. — Адрес пришлю утром.

Алина стала убирать бумаги. Последний акт выскользнул из файла и лег текстом вверх.

Я придержала его карандашом, чтобы она не смяла угол.

На нижней строке было указано ООО «ПраймПанель».

Название я видела шесть лет назад — в приложении, которого потом не оказалось в деле Михаила Руднева.

ГЛАВА 1

В субботу Алина пришла за минуту до назначенных десяти. Пунктуальность ничего не доказывала, зато позволяла начать проверку без лишнего разговора.

С ней был корпоративный ноутбук. Она поставила его на стол для совещаний и сняла часы, чтобы металлическая застежка не царапала корпус.

— Он принадлежит компании? — спросила я.

— Да. Выдан мне как бренд-директору.

— Вход только под вашей учетной записью?

— Под моей. Пароль я никому не сообщала.

— Я не буду касаться клавиатуры. Все открываете вы. Если увидим чужие персональные данные или папку, к которой у вас нет обычного доступа, закрываете сразу.

Алина села напротив.

— Вы всегда начинаете с того, чего делать нельзя?

— Это дешевле, чем заканчивать объяснением, почему мы сделали лишнее.

Я положила рядом новый журнал документов. На обложке написала название компании, дату и время. Такие журналы у нас были для каждого проекта. В них источник появлялся раньше содержания. Иначе через неделю люди уверенно помнили совсем не то, что происходило.

Лев вошел через двенадцать минут с двумя стаканами кофе и собственным ноутбуком.

— Простите, на площади ремонтируют перекресток, — сказал он. — Я принес доказательство добрых намерений.

Он поставил передо мной большой американо.

— Добрые намерения в расходы не принимаются. Полдня запишешь как работу в выходной.

— Тогда кофе становится взяткой.

— Слишком малая сумма. Садись.

Я заранее объяснила Льву только необходимое: есть документы с моей возможной поддельной подписью, а ему поручаются исключительно открытые сведения о компаниях. Алина представилась сама. Лев не задал вопросов о Сергее.

Она включила ноутбук и подключилась через телефон к мобильной сети.

— Корпоративную защиту не отключали? — спросила я.

— Нет. Если система запросит служебное подключение, я останавлиюсь.

На экране появился рабочий портал «МодульГрада». Алина открыла раздел совета директоров. Ее имя и роль отображались в верхнем углу, ниже стояло время последнего входа. Я записала адрес страницы, название раздела и видимый уровень доступа. Снимков экрана пока не делала.

— Где вы нашли акты?

Она выбрала заседание с датой прошедшего четверга. В карточке находились повестка, проект решения и папка приложений. Семь файлов относились к кредитной линии, пять — к передаче оборудования. Алина раскрыла список версий.

— Вот эти три.

Названия различались только датами: двадцать второе, двадцать шестое и двадцать девятое августа двухлетней давности. Все были загружены в четверг после шести вечера. В графе автора стояло «Финансовая служба». Не имя сотрудника, а общее обозначение учетной записи.

— Вы раньше видели эти файлы на портале? — спросила я.

— Нет. Доступ к финансовому архиву мне не давали. Они появились как приложения к повестке, поэтому открылись.

— Кто формирует материалы совета?

— Корпоративный секретарь. Сейчас ее замещает помощник Сергея.

— Почему?

— Нина Аркадьевна в отпуске до конца сентября.

Я внесла это в журнал как слова Алины. Недавние версии документов с датами двухлетней давности не доказывали подделку: старые бумаги могли отсканировать заново, а общая учетная запись не указывала на конкретного человека.

— Откройте первый акт.

Алина открыла его в режиме просмотра. Я сверила номер, дату, количество страниц и размер файла с записью, которую сделала ночью. На третьей странице стояла моя подпись. Увеличение до четырехсот процентов показало край изображения: вокруг росчерка проступал едва заметный прямоугольник другого оттенка.

— Видите фон? — спросила Алина.

— Вижу. Он может появиться после обычного сканирования. Перейдите ко второму.

Во втором акте прямоугольник сохранился. Подпись лежала относительно строки точно так же. На восходящем штрихе первой буквы была маленькая светлая выемка, похожая на пропущенный пиксель.

Третий файл дал тот же результат.

Я записала наблюдение без слова «подделка»: «Графическое изображение подписи имеет повторяющийся светлый дефект на восходящем штрихе; расположение относительно печатной строки совпадает визуально». Рядом поставила время.

— Это ваша подпись? — спросил Лев.

— Похожа на мою.

— Но вы так не подписывали?

— Пока у нас есть мое воспоминание и повтор изображения. Воспоминание полезно для направления проверки, в заключение его не поставишь.

Алина задержала курсор над кнопкой закрытия.

— Если найти документ, с которого ее взяли?

— Тогда появится версия происхождения изображения. Подтверждать ее будет специалист. Нам сначала нужен настоящий документ с бесспорной подписью.

Такой документ у меня был. В последний рабочий день я подписала акт приема-передачи дел в двух экземплярах и забрала свой. Два года он лежал дома вместе с трудовым договором, соглашением о выходе из общества и бумагами, к которым мне не хотелось возвращаться.

Я попросила Алину открыть бюллетень. Файл был создан в тот же вечер и имел три версии. В первой отсутствовала подпись. Во второй подпись появилась, а в третьей изменились формулировки по передаче производственной линии. Время между второй и третьей версией составляло девятнадцать минут.

— Вы голосовали по другим вопросам через портал? — спросила я.

— Дважды. Сначала загружала подписанный бюллетень, потом отправляла оригинал секретарю.

— Подпись на этом документе похожа на ту, которой вы пользовались?

— Она взята с бюллетеня за май. Я вчера нашла его у себя в почте. Даже наклон такой же.

— Оригинал за май у кого?

— У корпоративного секретаря. Моя копия дома.

— В понедельник расскажете это своему адвокату. Сегодня зафиксируем только перечень.

Алина закрыла файл и отодвинулась от экрана.

— До понедельника может быть поздно. Сергей требует, чтобы я подписала пакет завтра к шести вечера.

— Как именно требует?

Она открыла собственную почту и нашла письмо от пятницы. Тема была нейтральной: «Материалы совета. Срочное согласование». В тексте Сергей просил подтвердить все решения ответным сообщением и обещал собрать оригиналы позже. Последняя строка звучала почти заботливо: «Алина, не трать выходные на технические приложения, финансовая служба уже все проверила».

— Он написал это после вашего вопроса о подписи?

— До. Я увидела акты, когда решила проверить, что именно уже проверили за меня.

— А потом?

Она показала короткую переписку в мессенджере. Ее вопрос: «Почему в бюллетене стоит моя подпись?» Ответ Сергея: «Это проект, подпишешь оригинал завтра». Затем требование вернуть распечатки.

Я записала время сообщений и попросила Алину закрыть переписку.

— Ответ до шести не отправляйте, пока не поговорите с адвокатом. Дальнейшие действия определите с ним.

— Сегодня суббота.

— Адвокаты тоже умеют работать в выходные, особенно когда клиент заранее понимает стоимость.

— Ваш адвокат согласился только на понедельник.

— Мой вопрос пока ограничен поддельной подписью двухлетней давности. Ваш бюллетень касается решения, которое от вас требуют завтра. Сроки разные.

Алина посмотрела на меня несколько секунд.

— Я нашла адвоката. Знакомая дала контакт. Встреча сегодня в три.

— Хорошо. Передайте ему названия файлов и доступ, но не мой вывод. Вывода еще нет.

Лев развернул свой экран так, чтобы мы обе видели результаты поиска.

— По «ПраймПанели» есть открытая выписка. Компания зарегистрирована семь лет назад в Дзержинске. Директор и единственный участник — Владислав Романович Фомин. Основной вид деятельности — оптовая торговля строительными материалами. Сайт состоит из одной страницы, адрес электронной почты на бесплатном сервисе. Телефон повторяется еще у двух компаний.

Он не произнес ничего значительного, но имя я узнала сразу.

Влад Фомин был двоюродным братом Сергея. На нашей свадьбе он сидел за столом родственников жениха, а через несколько лет просил место начальника отдела продаж. Сергей тогда отказал.

— Вы его знаете? — спросила Алина.

— Знаю, кем он приходится Сергею.

Она выпрямилась.

— Кем?

— Двоюродным братом. Вы никогда не встречались?

— Сергей говорил, что почти не общается с родственниками отца. Фамилию Фомин я слышала, но Владислава мне представляли как внешнего поставщика.

Лев открыл карточку второй компании.

— Тот же телефон указан у ООО «Северный модуль». Оно зарегистрировано восемь месяцев назад, директор другой. Юридический адрес массовым не отмечен, но обе фирмы получают письма в одном бизнес-центре. «Северный модуль» упомянут в проекте продажи оборудования?

— Да, — сказала Алина. — Именно ему передают линию.

— Тогда фиксируем совпадение контакта и адрес получения корреспонденции, — сказала я. — Родство известно мне лично, но его нужно подтверждать отдельно. Сейчас не называем компании связанными как установленный факт.

Лев сохранил открытые выписки в папку проекта с указанием даты получения. Он также нашел на сайте «МодульГрада» старую фотографию Сергея и Фомина с запуска нового направления. Подпись называла Фомина представителем поставщика. Я попросила сохранить страницу без дополнительных выводов.

Алина снова надела часы. На светлом ремешке осталась темная точка от чернил, хотя ручку она сегодня не брала.

— Вы говорите так, будто каждое слово может оказаться в суде.

— Может оказаться. Поэтому сегодня мы не расследуем преступление и не выносим приговор вашему мужу. Мы проверяем, есть ли основания отнести документы специалистам и юристам.

— И есть?

— Есть основания продолжать.

Я сформулировала условия и записала их на отдельном листе.

Первое: у каждой из нас свой адвокат. Тамара защищает только меня. Алина не передает мне поручение спорить от ее имени и не рассчитывает, что наши позиции всегда будут совпадать.

Второе: ни одного звонка Сергею от моего имени. Я сама решу, когда и при ком отвечать бывшему мужу.

Третье: для каждого файла указываются владелец, способ получения, дата и все действия после получения. Если Алина скроет пересылку, изменение или чужой доступ, я прекращу работу.

Четвертое: мы используем только ее законный доступ, документы заказчика, инвестора и открытые сведения. Никаких паролей Сергея, оставленных с брака, знакомых в бухгалтерии и копий, происхождение которых нельзя объяснить.

Пятое: предварительная диагностика отвечает на три вопроса — где впервые появляется моя подпись, какую выгоду дают решения и чем связаны «ПраймПанель» с получателем линии. Она не заменяет экспертизу и не обещает результата.

— И сколько это стоит? — спросила Алина.

Вопрос мне понравился. Люди, которые сразу обсуждали цену, реже пытались расплатиться благодарностью.

— После проверки конфликта и встречи с адвокатами я подготовлю договор. Первые часы беру на себя, потому что защищаю собственное имя. Вашу часть оплачиваете вы, если наши роли удастся разделить.

— Я могу заплатить.

— Я не спрашивала о возможности. Я объяснила порядок.

Она прочитала лист до конца.

— Здесь нет условия, что я должна рассказать вам о Сергее все.

— Есть. Третий пункт.

— Он про файлы.

— Любая ваша договоренность с Сергеем, которая объясняет происхождение файла, относится к источнику. Подробности брака мне не нужны. Правда о том, когда вы получили документ, нужна.

Алина положила лист на стол.

— Вы уверены, что сможете отделить одно от другого?

— Нет. Поэтому у вас будет отдельный адвокат, а у меня право остановиться.

Она подписывать условия не стала, и я не предлагала. Это была запись разговора, договор мог появиться только после юридической проверки. Алина сфотографировала лист со своего телефона. Я внесла в журнал время окончания работы с ее ноутбуком. Перед тем как закрыть портал, она еще раз показала карточки файлов, а я сверила названия и версии.

Лев ушел после двух: выписки были сохранены, публичные страницы зафиксированы, таблица контактов создана. Я отправила клиенту исправленный отчет и перенесла проверку приложений на воскресенье.

После ухода Алины я заперла журнал в шкафу. В нем было пять страниц фактов и ни одного доказанного преступления. Зато я уже знала, что поставщик из старого дела принадлежал родственнику Сергея, а фирма-получатель линии пользовалась тем же контактным номером.

Домой я приехала около четырех. Сделала горячие бутерброды и поела за столом, не открывая ноутбук. Сначала еда, потом прошлое. В сорок два года это был разумный порядок даже в день, когда приходилось искать документы о собственном разводе.

Архивная коробка хранилась на верхней полке шкафа. Я достала ее со стремянки, перенесла на рабочий стол и разобрала папки по датам. Соглашение о разделе имущества лежало отдельно. Рядом находились кадровые документы и мой экземпляр акта приема-передачи дел от тридцать первого августа.

На последней странице синей ручкой стояла подпись, поставленная в кабинете Сергея за несколько минут до того, как я отдала пропуск.

Я включила сканер и сделала копию только этой страницы. Затем открыла фотографию спорного акта, снятую Алиной на ее телефон и присланную мне с разрешения адвоката после встречи. В сообщении было указано: «Для визуального сравнения, источник и оригинал у меня». Ее адвокат работал быстрее, чем я ожидала.

Светлая выемка на восходящем штрихе точно повторяла короткий разрыв синей линии в моем оригинале. Ручка тогда пропустила участок на плотной бумаге. Совпадали длина росчерка, угол и расстояние до печатной строки.

Я увеличила изображение и заставила себя убрать слово «скопировали» из заметки. Правильная формулировка звучала скромнее: «Вероятный источник графического фрагмента установлен визуально; требуется исследование оригиналов и файлов».

Сергей мог взять мою настоящую подпись с последнего документа и поставить под тремя актами, датированными предыдущими днями. Тогда в архиве возникала последовательность: финансовый директор согласовала поставщика, подтвердила условия, передала дела и ушла. Будущему проверяющему оставалось решить, что я знала о «ПраймПанели» и заранее подготовила схему, последствия которой проявились теперь.

Это объясняло мою подпись. Подпись Алины требовалась для настоящего решения совета — передачи линии. Старое одобрение первой жены и нынешнее голосование второй создавали Сергею удобную историю о непрерывности управленческих решений.

История еще не была доказана. Зато ее конструкция уже просматривалась.

Я позвонила Алине. Она ответила после второго гудка.

— Вы у адвоката?

— Уже вышла. Он сказал не отвечать Сергею до утра и сохранить ноутбук без изменений.

— Разумно. Я нашла свой экземпляр акта передачи дел. Похоже, подпись могли взять с него. В понедельник обсудим со специалистом и Тamarой. До этого ничего не называем подделкой как установленный факт.

— Поняла.

В ее голосе не было облегчения. Видимо, разговор с адвокатом убрал надежду решить все семейным объяснением.

— Есть еще то, что вы должны знать до понедельника, — сказала Алина. — Фонд назначил техническую проверку первой партии. Аудитор будет на заводе в начале недели.

— Какое отношение это имеет к актам?

— Проверять будет «ТехКонтур». Руководитель — Михаил Руднев.

Я посмотрела на собственную подпись под актом передачи дел. Шесть лет назад мой отчет помог Сергею отнять у Михаила компанию. Теперь Михаил должен был решить, можно ли верить мне самой.

ГЛАВА 2

В понедельник в половине десятого Тамара Белова положила передо мной мой же журнал и спросила:

— Где здесь факт преступления?

— Нигде.

— Хорошее начало.

Ее кабинет находился на втором этаже старого административного здания. На стене за креслом висели часы, на подоконнике стоял принтер, а на столе помещалось ровно столько бумаг, сколько относилось к текущему разговору. Я работала с Тамарой третий год и знала: если она начинала с неудобного вопроса, значит, еще соглашалась помочь.

Она перелистала страницу с описанием подписи.

— Что мы знаем?

— На корпоративном портале размещены три акта с изображением моей подписи. Файлы загружены недавно, документы датированы двумя годами раньше. Я не помню договор и не считаю, что подписывала акты. Изображение визуально совпадает с подписью на моем акте передачи дел.

— Что предполагаем?

— Что графический фрагмент взяли с настоящего документа. Что старые акты понадобились для объяснения текущей сделки. Что «ПраймПанель» и получатель оборудования могут быть связаны с Сергеем.

— Что можем подтвердить без Алины?

— Мой оригинал, дату моего увольнения, открытые сведения по компаниям и личное знакомство с Фоминым.

Тамара закрыла журнал.

— Тогда начинаем с этого. Алина где?

— Ждет в приемной со своим адвокатом.

— Отлично. Ты уже предложила ей общий договор?

— Нет.

— Еще одно хорошее начало.

Она нажала кнопку селектора и попросила секретаря пригласить посетителей. Алина вошла первой. За ней появился мужчина лет сорока в темно-синем костюме и представился ее адвокатом. Тамара обменялась с ним реквизитами удостоверений, затем сразу обозначила границу:

— Я представляю только Надежду Лаврову. Между нашими доверительницами сейчас есть общий интерес в сохранении документов. Позже их позиции могут разойтись. Совместных советов о браке, акциях и ответственности я не даю.

Адвокат Алины кивнул.

— Моя доверительница это понимает. Мы проверили ее доступ. Она член совета директоров, акционер и адресат материалов заседания. Файлы открывались из раздела, предоставленного ей обществом. Признаков обхода ограничений с ее стороны я пока не вижу.

— Доступ сегодня сохранился? — спросила Тамара.

— В восемь сорок две вход был возможен, — ответила Алина. — Я ничего не открывала после субботы.

— Правильно. С этого момента работаем в присутствии нотариуса. Если доступ отзовут, не пытаетесь войти повторно и не просите сотрудника прислать вам архив.

Алина положила на стол папку. В ней находились распечатка ее трудового договора, выписка о десятипроцентном пакете акций, копия положения о совете и две доверенности.

Одна позволяла корпоративному юристу представлять ее на общих собраниях акционеров в пределах письменных указаний. Вторая касалась взаимодействия с регистратором и получения документов по ее лицевому счету. Обе были выданы год назад, когда Алина уезжала на длительную выставку, и продолжали действовать.

— Их отзываю сегодня, — сказал ее адвокат. — Отдельно уведомляем общество: решения совета она подтверждает лично, спорный бюллетень не подписывала.

— Сергей скажет, что вы разрушаете управление компанией, — заметила я.

Алина повернулась ко мне.

— Вчера он прислал новое сообщение. Если я не подтверждаю пакет, он вынесет вопрос о моем отстранении с должности бренд-директора.

— Это должность по трудовому договору, — сказал ее адвокат. — Ее десять процентов и место в совете не исчезают вместе с пропуском. Но отстранение возможно, и к нему нужно быть готовой.

— Я готова.

Она произнесла это спокойно. Я пока не знала, насколько спокойствие выдержит закрытую дверь собственного кабинета, однако вчера Алина не отправила Сергею нужное подтверждение. Это было действием, которое можно проверить.

Тамара вернула ей доверенности.

— До нотариуса еще один вопрос. Вы разрешаете Надежде использовать сведения, которые касаются ее подписи, для собственной защиты, даже если ваши интересы позже разойдутся?

Адвокат Алины ответил раньше нее:

— Разрешение оформим письменно и ограничим перечнем материалов. Встречного разрешения на использование личной переписки моей доверительницы не будет.

— Его никто не просит.

Они согласовали короткий текст: Алина добровольно показывала определенные файлы как лицо, имевшее доступ к материалам совета, и разрешала передать их копии Тамаре, специалисту по исследованию документов и уполномоченным органам. Мои расчеты о компаниях оставались моими рабочими материалами. Каждая сторона оплачивала своего адвоката и собственную часть нотариальных действий.

Я поставила подпись под экземпляром соглашения о порядке обмена. После субботы это был первый документ, который позволял двигаться дальше без устных обещаний.

Нотариальная контора находилась в десяти минутах на машине. Мы приехали порознь: я с Тамарой, Алина со своим адвокатом и корпоративным ноутбуком. Запись была на одиннадцать, но осмотр начался ближе к полудню. Помощник нотариуса проверял перечень страниц, серийный номер устройства и документы Алины. Спешка в таких местах оплачивалась отдельно и все равно не отменяла ожидания.

За закрытым столом Алина сама ввела пароль. Нотариус зафиксировала адрес портала, дату, время, имя учетной записи и доступный раздел. Затем Алина открыла карточку заседания и три акта. Каждую страницу просмотрели последовательно. Названия, размеры и видимые версии попали в протокол.

При увеличении подписи повторяющийся светлый разрыв был замечен так же ясно, как в субботу. Я не комментировала. Нотариус фиксировала содержание экрана, а не подтверждала мою версию.

Потом открыли бюллетень Алины и историю его изменений. Вторая версия содержала подпись. В третьей появились окончательные условия продажи части оборудования, лицензии на обслуживание и аренды производственной площадки. Все три решения ссылались друг на друга, хотя были оформлены отдельными вопросами.

— Откройте сопроводительные письма, — попросила я.

Тамара положила ладонь на мой блокнот.

— Просить будет нотариус по согласованному перечню.

Я замолчала. Даже собственная подпись не давала мне права руководить чужим осмотром.

Адвокат Алины сверился с приложением к соглашению и подтвердил, что письма входят в перечень. Нотариус предложила Алине открыть папку входящих. Там было сообщение помощника Сергея с прямой ссылкой на материалы совета и приложенным реестром старых актов.

Реестр состоял из одной страницы. В нем утверждалось, что оригиналы трех документов были переданы мне курьером двадцать третьего августа два года назад. Получателем значилась «Н. А. Лаврова», а адресом — загородный дом Сергея.

Я перечитала строку дважды.

— В это время вы там жили? — спросила Тамара.

— Нет. Я съехала в апреле, сразу после того, как подала на развод. В августе жила в своей квартире.

— Регистрацию меняли?

— Я никогда не была зарегистрирована в доме Сергея. Адрес использовался для семейной корреспонденции, когда мы жили вместе.

— Курьерская отметка есть?

Алина перешла на следующую страницу. В графе получения стояли дата и фамилия без подписи курьера, номера отправления не было.

Тамара записала данные в свой блокнот.

— Это не подтверждение вручения. Зато теперь понятно, какую цепочку пытаются показать: документы якобы отправили по известному компании адресу еще до увольнения Надежды.

— Сергей знал, что я там не живу, — сказала я.

— Это ты сообщишь в объяснении. Нотариус фиксирует только страницу.

В протокол включили письмо, реестр и данные отправителя. Затем Алина открыла пятничную переписку, где Сергей просил подтвердить решения до воскресенья и называл бюллетень с оспариваемой подписью проектом. Ее адвокат отдельно указал сообщения, которые можно было использовать. Личные разговоры, не связанные с документами, остались закрыты.

Осмотр занял почти три часа. Я дважды выходила в коридор, чтобы ответить Льву по текущему клиенту, и перенесла встречу на следующий день. К четырем часам страницы протокола еще печатали и сверяли. Моя часть расходов составила восемнадцать тысяч рублей: фиксация страницы с моей подписью, реестра доставки и сравниваемого оригинала. Алина оплатила остальной объем сама.

Пока помощник готовил экземпляры, ее адвокат оформил отзыв доверенностей. Уведомления направили корпоративному юристу, обществу и регистратору по предусмотренным каналам с подтверждением отправки. Отдельным письмом Алина заявила, что не подписывала бюллетень по текущему пакету сделок и не разрешала подтверждать его от своего имени.

— После доставки Сергей будет знать, что мы зафиксировали позицию, — сказал ее адвокат. — Скрыть конфликт уже нельзя.

— Я и не собираюсь, — ответила Алина.

— Собираться и выдержать последствия — разные задачи.

Она посмотрела на него без раздражения.

— Тогда займемся второй.

К пяти часам на руках у нас были отдельные экземпляры протокола и подтверждения отправки уведомлений. Тамара предложила вернуться к ней. Адвокат Алины забрал свою доверительницу готовить заявление. Мы договорились, что каждое обращение будет подано

отдельно: мое — о документах с моей подписью, ее — о бюллетене и действиях от ее имени. В приложениях совпадали только нотариальный протокол и открытые сведения, полученные законно.

В машине Тамара протянула мне бутылку воды.

— Когда ты ела?

— Утром.

— Тогда сначала столовая, потом объяснение.

— Она закрывается через двадцать минут.

— Я поэтому и не предлагаю обсудить твоё отношение к бывшему мужу.

Мы успели взять суп и запеканку в кафе на первом этаже соседнего здания. Тамара не задавала личных вопросов. Она проверяла даты: когда я уехала из дома, кто знал мой адрес, могла ли получить курьерскую посылку, сохранилась ли переписка о передаче дел. Я отвечала коротко и отмечала, какие документы придется искать вечером.

Телефон зазвонил, когда я подписывала последнюю страницу объяснения. На экране появилось имя Сергея.

За два года он звонил трижды. В первый раз предлагал обсудить налоговую проверку компании, во второй хотел получить мой старый рабочий ноутбук, которого у меня никогда не было, в третий поздравлял с днем рождения через неделю после даты. Я не отвечала.

— Возьму один раз, — сказала я Тамаре.

Она открыла на ноутбуке служебную записку и предупредила:

— Разговор не провоцируй. После звонка запишем содержание. Если он предлагает встречу, просишь направить вопрос мне.

Я ответила.

— Слушаю.

— Надя, ты решила вернуться в компанию через Алину?

Сергей говорил тем же ровным голосом, которым когда-то объяснял поставщикам задержку оплаты: причина всегда находилась вне его кабинета.

— По какому вопросу вы звоните?

Небольшая пауза показала, что обращение на «вы» он заметил.

— По вопросу документов, которые моя жена вынесла из компании и передала тебе.

— У вас есть претензия ко мне — направьте её моему адвокату Тамаре Беловой.

— У меня есть предложение. Давай встретимся сегодня, вдвоем. Ты увидишь оригиналы и поймешь, что Алина устроила истерику из-за рабочих черновиков.

— Без адвоката встречи не будет. Адрес для переписки вам известен.

— Твой адрес мне действительно известен. В старых документах он тоже есть.

Я посмотрела на строку реестра, где значился его дом.

— Вы говорите о месте, в котором я не жила на дату указанной доставки?

Сергей помолчал дольше.

— Значит, ты уже всё прочитала.

— Дальнейшие вопросы направляйте адвокату.

— Надя, ты опять делаешь выводы раньше, чем видишь всю картину. Шесть лет назад это уже дорого обошлось людям.

Он рассчитывал, что я начну оправдываться. Раньше такой расчет работал.

— Разговор окончен.

Я отключилась и внесла время звонка в объяснение. Тамара записала точные фразы, которые я помнила, затем попросила меня перечитать их. Сергей не признал подделку, не угрожал и не сообщил нового факта. Он подтвердил только одно: знал о старом адресе в реестре и понимал, какие документы мы смотрели.

— Теперь он уверен, что Алина пришла к тебе, — сказала Тамара.

— Он догадался раньше звонка. В уведомлении был указан спор по моей подписи.

— Да. И попытается представить вас сообщницами. Поэтому отдельные заявления важны не для красоты.

Мы закончили мое обращение к половине седьмого. Я описала только доступные мне факты: свою должность в указанные даты, отсутствие договора в памяти и личном архиве, визуальное совпадение изображения, неверный адрес доставки, знакомство с Фоминым и нотариально зафиксированный источник файлов. Слов «мошенничество» и «виновен» в тексте не было.

Адвокат Алины прислал Тамаре сообщение, что ее заявление подготовлено на основании бюллетеня и отозванных доверенностей. Документы подали через разные дежурные части. До конца вечера у каждой из нас было собственное подтверждение регистрации. Это означало начало проверки, а не дело с заранее известным итогом.

В семь пятнадцать я вышла из кабинета Тамары. За день я потратила восемнадцать тысяч рублей, отменила клиентскую встречу и официально связала свое имя с документами «Модуль-Града». Вернуться к молчанию теперь не получилось бы даже при большом желании.

На улице уже темнело. Я дошла до машины и увидела новое письмо. Отправителем значился фонд «Равная опора».

Директор фонда Елена Юрьева приглашала меня на встречу во вторник в десять утра. В письме было указано основание: в документах поставщика обнаружены акты с моей спорной подписью, а платежный график не совпадает с отчетом о готовности модулей. Фонд просил присутствовать как владельца подписи и финансового специалиста. Материалы обещали предоставить только в пределах собственного договора.

Последняя строка содержала имя руководителя технического аудита.

Михаил Руднев уже подтвердил участие.

ГЛАВА 3

Михаил Руднев пришел на встречу раньше меня.

Когда я вошла в переговорную фонда без двух минут десять, он стоял у окна и просматривал план реабилитационного центра. Рядом с чертежами лежала защитная каска. За шесть лет в его волосах прибавилось седины, на подбородке четче проступил старый шрам. Рабочая куртка висела на спинке кресла, рукава рубашки были застегнуты. Он собирался на производство, а не на встречу с женщиной из своего прошлого.

Я поставила папку на стол.

— Доброе утро, Михаил.

Он повернулся.

— Надежда Андреевна.

Ни рукопожатия, ни вопроса о моей жизни. Я предпочла бы то же самое, если бы шесть лет назад его подпись помогла лишить меня доли в компании.

— Надежда, проходите, — сказала Елена Юрьева.

Директор фонда сидела во главе стола. Перед ней находились договор с «МодульГрадом», график платежей и тонкая папка с перепиской. На экране была открыта схема центра: два жилых корпуса, медицинский блок, зал реабилитации и переходы между модулями.

— У нас сорок минут до разговора с банком, — продолжила Елена. — Давайте сразу договоримся, зачем каждый здесь находится. Михаил отвечает за технический аудит. Вы — владелец подписи на спорных актах и специалист, который может сопоставить деньги с движением материалов. Фонд не определяет, подделаны документы или нет. Нам нужно понять, можно ли принимать первую партию.

— Согласна, — сказала я.

Михаил сел напротив.

— Я получил от фонда письмо Тамары Беловой и перечень нотариально зафиксированных страниц. Самих корпоративных файлов у меня нет.

— У меня тоже нет полного комплекта, — ответила я. — Есть мой оригинал акта передачи дел, копия страницы с подписью, открытые выписки и экземпляр нотариального протокола в части, которая относится ко мне.

— Копия страницы не доказывает, что файл находился на сервере в таком виде и не менялся после осмотра.

— Не доказывает.

— Визуальное совпадение не заменяет исследование подписи.

— Знаю.

Он выдержал паузу, словно ожидал продолжения. Оправданий у меня для него не было, а спорить с правильными замечаниями значило повторить старую ошибку в новой комнате.

Я открыла папку и передала ему перечень, не протокол.

— Здесь названия файлов, даты, видимые версии и источник доступа. Можно использовать как направление проверки. Выводов о подделке в моем документе нет.

Михаил просмотрел первую страницу.

— Аккуратно составлено.

— Это претензия?

— Предупреждение. Ваш отчет шесть лет назад тоже был составлен аккуратно.

Елена перевела взгляд с него на меня, но не вмешалась. Она наняла специалиста, прошлое которого имело значение для проверки. Было бы странно требовать, чтобы он притворился незнакомым.

— В старом отчете не хватало документов, — сказала я. — Я нашла свой экземпляр и готова передать его по описи.

Михаил положил перечень на стол.

— О том, почему документов не хватало, мы поговорим отдельно.

— Да. Сейчас нужно решить, какие мои материалы вы готовы принять.

— Только те, у которых можно проверить источник. Я не включу вывод о подделке в технический отчет и не стану ссылаться на слова Алины Воронцовой. Если номера партий, даты поставок или платежей подтвердятся документами фонда и инвестора, я проверю их на площадке.

— Этого достаточно.

— Для начала.

Он не простил меня за одну честную фразу. Я и не рассчитывала. Зато мы за несколько минут установили порядок работы, в котором ни один из нас не получал доверия авансом.

Елена придвинула ко мне договор.

— Материалы фонда вы можете посмотреть после подписания соглашения о конфиденциальности. Копии останутся в защищенной папке, доступ будет у вас и у нашего юриста. Инвестор готов предоставить выписки из отчетов общества и краткие решения совета в пределах своих прав. Банковских счетов компании у нас нет, и получать их для вас никто не станет.

— Они пока не нужны. Мне потребуются договор, спецификация, счета на оплату, отчеты о готовности, акты этапов и переписка по изменению цены.

— Все, что у нас есть, дадим. Формальное заключение обсудим отдельным договором после проверки вашего конфликта интересов.

Михаил посмотрел на Елену.

— Мой конфликт тоже должен быть указан.

— Уже указан. Вы бывший совладелец поставщика, спор с Сергеем Воронцовым завершился шесть лет назад. Вторым специалистом на выезд назначена Ирина Комарова. Итоговый отчет будет проходить внутреннюю проверку «ТехКонтур».

— Этого мало, если финансовую часть готовит бывший директор и бывшая жена генерального.

Я ответила раньше Елены:

— Тогда не принимайте мою должность как подтверждение. Проверяйте каждую строку по документам фонда. Я отмечу, где факт, где расчет, а где вопрос.

— И передадите рабочую таблицу с формулами?

— Если вы передадите мне номера материалов и этапы, которые они должны были пройти до установки.

— Передам в пределах задания фонда.

Елена откинулась на спинку кресла.

— Хорошо. Теперь, когда два специалиста согласились проверять друг друга, можно вернуться к моему центру.

Она говорила без раздражения. Я поняла, что наш конфликт для нее был еще одним риском проекта, рядом со сроками и деньгами. Это отрезвляло лучше любого замечания.

Контракт с «МодульГрадом» заключили в конце мая на сто шестьдесят восемь миллионов рублей. Фонд перечислил аванс сорок два миллиона после банковской гарантии. Второй платеж зависел от готовности первой партии: восемнадцать модулей должны были пройти внутренний контроль на заводе и получить комплект документов. Окончательная приемка происходила уже на объекте.

— Открытие планировалось через три месяца, — сказала Елена. — У нас сорок два подопечных в очереди и соглашения со спонсорами. Я не заинтересована задерживать строительство из-за подозрения, которое не подтвердится.

— А если подтвердится? — спросил Михаил.

— Перенесем открытие. Объясним совету фонда и вернем часть пожертвований, если потребуется. Принимать материал с неизвестными свойствами я не буду.

Он кивнул один раз. Ее ответ его устроил.

— Почему аудит начался сейчас? — спросила я. — Алина нашла пакет в пятницу, но договор с «ТехКонтуром» уже был.

Елена открыла письмо без имени отправителя. Оно пришло в среду на общий адрес фонда. Автор сообщал, что маркировка изоляции в первых модулях не совпадает с журналом склада, и просил проверить партию до отгрузки. В доказательство прилагалась фотография края упаковки с кодом.

— Мы не знаем автора, — сказала Елена. — Фотография могла быть старой или сделанной в другом месте. Но код относился к материалу, который не указан в нашей спецификации. В четверг я связалась с Михаилом. Он сначала выступил консультантом: проверил, возможно ли установить заявленный материал и какие документы запросить. После этого фонд заключил договор с «ТехКонтуром».

— То есть вы работали до появления моих документов, — сказала я Михаилу.

— Да. Ваша подпись не была причиной аудита.

Эта фраза имела значение. Сергей не мог объяснить проверку только нашей старой историей, хотя наверняка попытается.

— Сохранился исходный файл фотографии? — спросила я.

— У фонда, вместе с письмом, — ответила Елена. — Мы не считаем его доказательством. Завтра проверяющие увидят маркировку сами.

— Завтра? — уточнила я.

— «МодульГрад» подтвердил допуск на среду, восемь тридцать. По договору мы можем осматривать изготовление и требовать документы по партии. Уведомление направлено в пятницу. Представитель завода будет присутствовать.

Михаил разложил перед нами список задач.

— Мы не отбираем образцы завтра. Сначала сверяем маркировку, сертификаты, журнал входного контроля и номера модулей. Если возникает расхождение, согласовываем отдельный отбор с представителями сторон и лабораторией. До результатов я не называю материал опасным.

— А приемку можно остановить? — спросила я.

— Фонд может не подписывать этап, если документы и фактическая партия не соответствуют договору, — сказала Елена. — Это решение фонда, не аудитора.

Михаил посмотрел на меня.

— И не финансового консультанта.

— Я запишу крупно.

Уголок его рта едва изменился, но он сразу вернулся к списку. Шесть лет назад Михаил смеялся чаще. Я помнила это лучше, чем имела право показывать.

Елена ушла на звонок с банком, оставив нам доступ к папке договора. Соглашение о конфиденциальности я подписала при юристе фонда. Затем получила учетную запись с ограниченным сроком и начала строить перечень документов прямо в переговорной.

Михаил работал за соседним краем стола. Он сверял спецификацию с сертификатами и отмечал вопросы короткими комментариями: марка, изготовитель, партия, дата выпуска, документ о поступлении. Мы не разговаривали около двадцати минут. Молчание было рабочим: каждому хватало собственной задачи.

В отчете «МодульГрада» первая партия достигла семидесятипроцентной готовности двенадцатого августа. К четырнадцатому были закрыты наружные стены восемнадцати модулей.

Этот этап подтверждался фотографиями, которые фонд получил вместе с запросом второго платежа.

Я открыла счет от «ПраймПанели». В нем значилась изоляция марки, указанной в спецификации. Счет выставили двадцать шестого августа, оплатили двадцать седьмого. Товарная накладная была датирована двадцать восьмым. В приложенной копии складской отметки стояло двадцать девятое число.

Я сверила номера и повторила последовательность еще раз. Ошибка могла быть в датах отчета, поставка могла пройти раньше по другому документу, а счет выставили позже. Но в пакете фонда никаких промежуточных накладных не было.

— Михаил.

Он подошел с другой стороны стола.

— Что?

— На каком этапе изоляция оказывается внутри наружной стены?

— До установки внутренней обшивки и герметизации контура. Почему спрашиваете?

Я развернула экран. Он прочитал строки сам.

— Готовность стен четырнадцатого августа, — сказала я. — Материал по этим документам поступил двадцать девятого.

— Если даты верны.

— Поэтому мне нужен журнал входного контроля и первичные документы по более ранним поставкам. Фонд их запрашивал?

Михаил открыл свой список. Запрос от пятницы включал сертификаты и журнал, но завод прислал только сводную таблицу. В ней партия изоляции появилась двадцать девятого августа. Номер совпадал с накладной «ПраймПанели».

— Модули могли быть открыты повторно? — спросила я.

— Могли. Тогда должны остаться записи о переделке, расход новых креплений, фотографии и изменение срока. В отчете этого нет.

— А если внутрь установили другой материал?

— Это мы проверим на площадке. Сейчас есть расхождение дат.

Он произнес это без торжества. Я оценила точность формулировки и тут же разозлилась на себя за то, что оценка имела личный оттенок.

Михаил сел рядом, оставив между нашими креслами достаточно места, и попросил открыть платежный график. Второй транш фонда — пятьдесят восемь миллионов восьмисот тысяч — был перечислен шестнадцатого августа, после отчета о готовности. Часть денег в тот же день направили нескольким подрядчикам. Платеж «ПраймПанели» прошел только одиннадцать дней спустя.

— Вы видите движение денег «МодульГрада»? — спросил он.

— Только те платежи, которые компания включила в отчет фонду. Это выборка, ее нельзя выдавать за всю выписку.

— Тогда отметьте ограничение.

— Уже.

Я показала верхнюю строку таблицы: «Источник — документы фонда; полнота расчетов поставщика не подтверждена».

— Хорошо, — сказал Михаил.

Одно слово. Шесть лет назад я получила от него письмо на четыре страницы с вопросами к моему отчету и ответила двумя предложениями, составленными вместе с Сергеем. Теперь Михаил проверял даже то, что подтверждало его подозрения. Он не пытался выиграть прошлый спор за счет текущего заказчика.

— Мне нужен ваш перечень этапов, — напомнила я.

— Пришлю после внутренней сверки. Сегодня до шести.

— С формулировками, понятными человеку без строительного образования.

— Тогда пришлю до семи.

— Разумная надбавка за перевод.

На этот раз он действительно усмехнулся, совсем коротко.

Елена вернулась в переговорную и выслушала наш предварительный вывод. Я показала даты и ограничения. Михаил объяснил, какие записи должны подтвердить повторное вскрытие стен, если оно происходило. Решение осталось за директором фонда.

— Завтра едете оба, — сказала она. — Надежда сверяет документы, которые предоставят нам по договору. Михаил и Ирина осматривают партию. Никаких разговоров с работниками без представителя завода. Если увидите расхождение, фиксируете его в акте замечаний.

— Мне понадобится отдельное поручение от фонда, — сказала я.

— Юрист подготовит сегодня. В нем будет только финансовая сверка по контракту. Доступ к бухгалтерии завода мы не обещаем.

Я согласилась. Михаил закрыл папку и надел куртку.

У двери он остановился.

— Надежда Андреевна, рабочую таблицу отправьте через папку фонда. Не на мою почту.

— Я помню, как выглядит проверяемый источник.

— Теперь помните.

Он ушел, не дожидаясь ответа.

Я вернулась к экрану. В верхней части таблицы стояли даты, каждая со ссылкой на документ. Четырнадцатого августа завод сообщил, что стены первой партии закрыты. Двадцать девятого на склад, по его же данным, поступила изоляция, предусмотренная договором.

Получалось, первые восемнадцать модулей собрали за две недели до появления материала, который должен был находиться внутри них.

ГЛАВА 4

До проходной «МодульГрада» я доехала за час двадцать. Выехала из Нижнего в семь, но на подъезде к Дзержинску попала за колонной грузовиков и последние километры считала минуты до назначенных восьми тридцати.

Михаил приехал раньше. Его рабочий универсал стоял на гостевой парковке, задние двери были открыты. Женщина в защитной куртке проверяла два жестких кофра с измерительным оборудованием.

— Ирина Комарова, — представилась она, когда я подошла. — Партнер Михаила. Сегодня отвечаю за документы осмотра и за то, чтобы он не пытался сделать работу троих.

— Он часто пытается?

— Когда считает остальных недостаточно упрямыми.

Михаил закрыл один из кофров.

— Ирина представляет меня заказчикам точнее, чем написано на сайте.

Их привычка спорить без раздражения показывала, что роли в «ТехКонтуре» существовали не только в учредительных документах. Я назвала себя, хотя Ирина наверняка знала, кто перед ней. Она ограничилась деловым кивком и протянула мне жилет посетителя.

У ворот нас ждал представитель фонда. Он привез уведомление о проверке, договор и отдельное поручение на мою финансовую сверку. Охранник записал паспорта, номера машин и оборудование. Телефоны разрешалось использовать только в обозначенных зонах. На съемку внутри цеха требовалось согласие сопровождающего, кроме фиксации предметов проверки по договору.

В журнале посетителей напротив моей фамилии стояла цель: «сверка документов заказчика». Формулировка мне подходила. Возвращаться на завод в роли бывшей жены генерального директора я не собиралась.

Начальник склада Павел Шестов встретил нас у административного корпуса. Ему было немного за пятьдесят, рабочая куртка застегнута до горла, на связке висело не меньше десяти ключей. Он представился и сразу попросил показать перечень запрашиваемых документов.

— Электронную выгрузку подготовили, сертификаты тоже, — сказал он. — Оригиналы журнала склада остаются у нас. Смотреть можно в помещении при ответственном сотруднике.

— Это соответствует уведомлению, — ответил Михаил. — Сначала документы, потом партия.

Павел провел нас в небольшую комнату рядом со складом. На столе уже лежали распечатки: реестр поступлений, копии сертификатов, накладные и схема размещения поддонов. Представитель фонда проверил состав пакета по своему запросу. Я получила второй экземпляр только тех страниц, которые относились к его контракту.

Ирина начала с сертификатов. Она сверяла наименование производителя, марку изоляции, срок действия документа и номер партии. Михаил проверял накладные и маркировку в электронной выгрузке. Я открыла таблицу, подготовленную накануне, и добавила графы «документ завода» и «расхождение».

Партия, указанная в отчете фонда, поступила двадцать девятого августа. Поставщик — «ПраймПанель», количество соответствовало счету. В графе места хранения значился сектор Б-12.

— А что было использовано до двадцать девятого? — спросила я.

Павел перестал перебирать ключи.

— Формулируйте вопрос по документу.

— Четырнадцатого августа завод сообщил о закрытии стен восемнадцати модулей. Изоляция из спецификации появилась в выгрузке через пятнадцать дней. Какая партия списана на производство?

Он посмотрел на Михаила.

— Я сопровождаю складской осмотр. Финансовые вопросы не ко мне.

— Расход материалов относится к идентификации партии, — сказал Михаил. — Нужна ведомость передачи в цех по этим восемнадцати номерам.

— В запросе ее не было.

Представитель фонда достал копию уведомления.

— Был указан журнал движения материалов по первой партии модулей.

Павел прочитал строку, хотя, судя по тому, как быстро нашел место, видел ее раньше.

— Запрошу у производства.

Он вышел. Ирина поставила в акте время и отметку: документ отсутствует в представленном пакете, ответственное лицо запросило дополнение.

— Вы всегда записываете каждую задержку? — спросила я.

— Только ту, после которой документ может появиться в другой версии, — ответила она.

Михаил открыл сертификат на предусмотренную договором марку.

— Здесь номер производителя совпадает с верхней этикеткой из анонимной фотографии. Проверим сектор Б-12 и готовые модули. Ничего не отделяем и не вскрываем без отдельного согласования.

Павел вернулся с мастером цеха и распечаткой внутреннего отчета. Согласно ему, на первые восемнадцать модулей списали материал с тем же номером, который поступил двадцать девятого августа. Дата расхода стояла тринадцатое августа.

Я провела пальцем по двум строкам.

— Поступление после списания на шестнадцать дней.

— Ошибка переноса из старой системы, — сказал мастер. — В конце месяца объединяли карточки.

— Где исходная карточка до объединения? — спросила я.

— У бухгалтерии.

— А ведомость выдачи со склада?

— Мы перешли на электронный учет.

Павел стоял рядом и смотрел на распечатку. Большим пальцем он вращал кольцо связки ключей. Слова мастера Павел не подтверждал.

— В августе бумажные требования еще использовались? — спросил Михаил.

— Иногда, если сеть зависала, — ответил мастер.

— По этой партии использовались?

— Не помню.

Ирина внесла ответы в акт как пояснения представителей завода. Ни «ошибка системы», ни отсутствие памяти не стали установленным фактом.

Перед выходом на склад нам выдали каски и очки. Павел провел группу по размеченной дорожке мимо погрузчиков. В секторе Б-12 стояли шесть поддонов с изоляцией в заводской упаковке. На каждом была наклеена белая этикетка с маркой, номером партии и датой выпуска.

Михаил сверил номера с сертификатом.

— Пять совпадают. На шестой последняя цифра исправлена вручную.

— При приемке ошиблись, — сказал мастер.

— Кто исправил?

— Кладовщик.

— Где отметка об исправлении?

Ответа не последовало.

Ирина сфотографировала этикетку с масштабной линейкой и общим видом поддона. Павел расписался в акте, что съемка проведена в секторе Б-12 в его присутствии.

На соседнем поддоне угол верхней наклейки отходил от пластика. Под белым слоем виднелся край другой этикетки, серо-зеленой. Михаил присел, не касаясь упаковки.

— Павел Алексеевич, эта пачка относится к проверяемой поставке?

— По месту хранения — да.

— Почему маркировка нанесена поверх другой?

Павел подошел ближе.

— Я не отвечаю за этикетки производителя.

— Верхняя наклейка не производителя, — сказала Ирина. — На ней нет заводского защитного элемента, который указан в сертификате.

Мастер вмешался:

— Поставщик прислал дополнительные ярлыки после уточнения артикула. Это обычная работа.

— Письмо поставщика есть? — спросил Михаил.

— Нужно запросить в снабжении.

— Запрашивайте.

Павел задержался у поддона, когда мастер отошел звонить.

— На готовых модулях смотрите торцевые окна, — произнес он негромко. — Там ярлыки клеили уже после сборки.

— Вы готовы включить это пояснение в акт? — спросила Ирина.

Он сразу покачал головой.

— Я ничего не пояснял. Проверьте то, к чему у вас есть доступ.

— Тогда записывать ваши слова не будем, — сказал Михаил. — Покажите торцевые окна по маршруту осмотра.

Павел кивнул. Он не стал свидетелем по одной осторожной фразе, но дал проверяемое направление. Его причина молчать оставалась его причиной; придумывать ее вместо него я не могла.

Готовые модули стояли на открытой площадке за цехом. Восемнадцать прямоугольных секций были закрыты пленкой, на торцах оставались технологические окна для проверки коммуникаций и креплений. Михаил и Ирина выбрали номера по перечню фонда, а не по указанию Павла.

В первом окне маркировки не оказалось. Во втором виднелась часть белой наклейки. В третьем ее приклеили к внутренней металлической стойке поверх серо-зеленого ярлыка. Нижний слой выступал на полтора сантиметра.

— Не снимать, — предупредил Михаил, когда представитель фонда потянулся ближе. — Любое отделение меняет объект. Сначала общий вид, номер модуля, положение окна и масштаб.

Ирина фотографировала по порядку. Михаил диктовал номера и расстояния, Павел подтверждал место. Я сопоставляла модули с отчетом о готовности. Все три входили в первую партию, закрытую четырнадцатого августа.

— Мы можем увидеть нижний ярлык без повреждения? — спросила я.

— Только его открытый край, — ответил Михаил. — Полное исследование потребует согласованного доступа или отбора. Сегодня фиксируем, что одна маркировка находится поверх другой.

— Даже если нам понятно, что там?

— Понятно и доказано — разные слова.

Я записала его фразу в рабочую таблицу. Она относилась не только к упаковке.

На площадку вышел Сергей.

Он был в темном пальто и обычных городских туфлях, поверх которых ему пришлось надеть защитные бахилы. Рядом шел корпоративный юрист. Сергей поздоровался с представителем фонда, Михаилом и Ириной, затем остановился напротив меня.

— Надя, не ожидал увидеть тебя в цехе.

— В акте я указана как Надежда Андреевна Лаврова, финансовый консультант фонда.

— Фонда? Вчера ты была консультантом моей жены.

— У фонда есть отдельное поручение, — сказал представитель заказчика и показал документ.

Сергей даже не посмотрел на него.

— Присутствие бывшей жены генерального директора делает проверку личным конфликтом. Прошу это зафиксировать.

— Зафиксируем ваше возражение, — ответила Ирина. — Надежда работает только с документами заказчика. Технические наблюдения выполняем мы.

— Михаил, тебе тоже не кажется странным возвращаться сюда с человеком, который однажды подписал нужный отчет?

Михаил выпрямился.

— На площадке обсуждаются маркировка и документы партии. Личные вопросы в акт не входят.

— Удобно.

— Укажите, с каким пунктом процедуры вы не согласны.

Сергей перевел взгляд на открытое торцевое окно.

— Вы пытаетесь повредить модуль?

— Ничего не отделяли и не вскрывали, — сказала Ирина. — Зафиксировали видимую маркировку. Павел Алексеевич присутствовал.

Начальник склада подтвердил это. Сергей спросил, кто дал доступ к готовым модулям. Представитель фонда снова сослался на договор и пятничное уведомление. Корпоративный юрист просмотрел копию и тихо сказал Сергею несколько слов.

— Хорошо, — ответил тот. — Осмотр завершайте. Отбор образцов без нашего письменного согласования запрещен.

— Сегодня отбор не планировался, — сказал Михаил. — Запрос направим отдельно с процедурой, участниками и лабораторией.

Я наблюдала, как он держал границу. Не защищал меня и не спорил о прошлом. Возвращал разговор к тому, ради чего люди получили допуск на производство. Рядом с Сергеем это выглядело непривычно: мужчина мог не использовать мой брак ни как оружие, ни как услугу.

Сергей дождался, пока Ирина закончит фотографии.

— Надя, останься на пять минут. Я покажу оригиналы актов.

— Направьте приглашение Тамаре Беловой.

— Мы стоим в десяти метрах от моего кабинета.

— Расстояние не заменяет адвоката.

Он слегка развел руками, обращаясь уже к остальным:

— Вы видите, в каком настроении проводится аудит.

— В акте будет ваше предложение о встрече и отказ консультанта обсуждать документы без представителя, — сказала Ирина. — Продолжаем?

Сергей ушел вместе с юристом. Мастер последовал за ними. Павел остался у модуля и проверил, закрыто ли технологическое окно.

— Электронная выгрузка после объединения карточек правильная, — сказал он громче, чем раньше. — Других документов у меня для вас нет.

Формулировка предназначалась не нам одним. Над камерой на углу цеха горел индикатор.

— Мы запросим ведомости официально, — ответил Михаил.

Осмотр закончили к двум. В акт вошли отсутствие первичной ведомости выдачи, расход материала до указанной даты поступления, исправленный номер на поддоне, повторная маркировка и необходимость отдельного отбора. Мастер подписал акт с возражением, что расхождения вызваны переносом данных. Павел подтвердил только присутствие и места осмотра. Представитель фонда принял экземпляр.

В административном корпусе Михаил подготовил запрос на отбор образцов. Лаборатория могла прислать специалиста в воскресенье утром за срочный тариф. Фонд согласился на расходы. Заводу направили процедуру: выбор модулей по заранее зафиксированному перечню, присутствие сторон, отдельные инструменты, пломбы и акт передачи.

— Почему в воскресенье? — спросила я.

— Раньше лаборатория не может, позже Сергей успеет заявить, что мы сорвали отгрузку без результата, — ответил Михаил. — Производство работает в выходные, присутствие обеспечат. Если завод откажется, это будет отдельный документ, но не доказательство несоответствия.

Ирина проверила запрос и исправила две формулировки.

— Я отправлю от имени «ТехКонтур», — сказала она. — Михаил, ты подпишешь как руководитель группы после меня.

Он не возразил. Еще одна мелочь, которую я отметила: в своей фирме Михаил позволял партнеру менять его текст без сцены о власти.

Когда мы вышли к парковке, на телефоне появилось сообщение от Алины.

«Мой пропуск отключен. Портал недоступен. Приказ об отстранении прислали на личную почту. Адвокат уже получил копию».

С разрешения Алины я переслала сообщение Тамаре. Затем ответила: «Ничего не пытайтесь открыть через чужой доступ. Сохраните уведомления». Алина подтвердила через минуту.

— Сергей закрыл Алине доступ, — сказала я Михаилу, когда он подошел забрать журнал осмотра у представителя фонда.

— Значит, все дальнейшие документы запрашиваем у законных владельцев. Ее старые копии по-прежнему требуют подтверждения.

Он не стал спрашивать, где она живет и что собирается делать с мужем. Для проверки имело значение только изменение источников.

Я уже собиралась уходить, когда Ирина позвала меня к экрану камеры. Она просматривала снимки торцевого окна и увеличила открытый край нижней этикетки. Были видны четыре знака внутреннего кода поставщика.

«ПП-04».

Шесть лет назад этот код стоял в приложении к закупочному отчету Михаила. Потом приложение исчезло из пакета, на котором я поставила подпись.

ГЛАВА 5

В четверг после шести я работала из дома. На обеденном столе лежала копия старого отчета Михаила, рядом стоял ноутбук с таблицей текущих поставок. Между этими документами было шесть лет и один код — «ПП-04».

Я пока не открывала отчет. Сначала нужно было закончить сверку для фонда и отправить ее через защищенную папку. Михаил и Ирина подключились к видеовстрече из офиса «Тех-Контур». Ирина проверяла перечень документов к воскресному отбору, Михаил сопоставлял номера модулей со снимками маркировки.

— В финансовой таблице код «ПП-04» встречается только в старом приложении? — спросил он.

— В доступных документах фонда его нет. На новых накладных поставщик указан полным названием.

— Тогда код пока связывает только наблюдение на этикетке и вашу память.

— Согласна. Старое приложение у меня дома. После разговора проверю.

На экране появилось сообщение от Льва: «На рабочую почту пришла ссылка на архив “МодульГрада”. Отправитель скрыт. В теме написано, что там полная бухгалтерия за три года. Открывать?»

Я попросила Михаила подождать и позвонила Льву. Он ответил сразу.

— Ссылку не открывал, — сообщил он. — Навел курсор, адрес ведет на файловое хранилище. Размер в письме не указан. Если это правда, мы за вечер найдем платежи Фомину.

— А если внутри персональные данные сотрудников, банковские выписки и чужая переписка?

— Поэтому спрашиваю.

— Не открывай и не пересылай ссылку себе. Сохрани письмо как получено, сделай снимок заголовка с адресом отправителя и временем, затем отправь Тамаре без перехода в хранилище.

— Даже список файлов не посмотреть?

— Нет. Мы не знаем, кто собрал архив и имел ли право это делать. Утечка не становится законной из-за удобного содержания.

Лев выдохнул в трубку.

— Понял. Жаль.

— Мне тоже. Поэтому решение правильное.

Я вернулась к видеовстрече и коротко объяснила, почему прерывалась. Михаил ничего не сказал несколько секунд, затем закрыл один из файлов.

— Если ссылка уйдет фонду, попросите юриста не открывать без решения по источнику.

— Тамара уже предупредит.

— Хорошо. Такой архив уничтожил бы независимость быстрее любого старого конфликта.

Это была первая оценка, которую он дал моему решению без напоминания о прошлом. Я не стала благодарить. Благодарность превратила бы соблюдение границы в услугу ему.

Ирина закончила перечень. Лаборатория подтвердила воскресный выезд, завод прислал согласие с оговоркой, что вскрытие модулей возможно только на участках, выбранных его представителем. Михаил требовал оставить право случайного выбора из заранее согласованного списка. Спор продолжался письменно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.